

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94 (470.22)''16/18''

СЕВЕРНОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ МУЛЬТИЭТНИЧНОЙ ИМПЕРИИ И ИМПЕРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ: КАРЕ- ЛИЯ В XVII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА ¹

О. Е. Ермолаева

Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра отечественной истории, *Петрозаводск, Россия*

В статье рассматриваются нескольких отдельных сюжетов из истории Карелии, исследованных в рамках коллективного проекта под названием «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII – начале XX века». Исследуются механизмы взаимодействия сельского общества северного приграничного региона Российской империи и имперской государственной власти на протяжении веков, влияние на него последней в ходе вмешательства отдельных государственных реформирующих инициатив и ответная реакция крестьянства.

Ключевые слова: имперское приграничье, Карелия, северное крестьянство, государственное вмешательство, колонизация, чиновничество, крестьянское землепользование; старообрядчество.

Долгое время история континентальных империй, в отличие от империй морских, которые оказались активно включенными в постколониальные исследования, описывалась с точки зрения имперского центра. И только с недавнего времени «имперская история» имеет в своём распоряжении множество российских и зарубежных научных работ, посвященных конструированию границ и фронтиров, наряду с изучением феномена социума имперского приграничья в самых разных его ракурсах, с применением обновленных методологических схем.

Довольно интересен подход, предложенный А. Рибером², и возврат к забытому было культурно-ландшафтному подходу³, и дискурсивный ана-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

² Rieber A. J. The Struggle for the European Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

³ Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia. Left Coast Press, 2012; Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб, 2001. С. 5–14.

лиз соперничавших национальных проектов имперского приграничья⁴, и масштабные международные коллективные проекты, посвященные изучению имперского приграничья с дифференцированной методологической перспективой⁵.

В последние годы в социальной истории Европейского имперского приграничья растущую популярность приобретает его концептуализация как «столкновения цивилизаций» и «зоны потрясений»⁶. Недавно этот подход был взят на вооружение американским историком Питером Холквистом и другими исследователями⁷.

Особенно перспективным на данном этапе представляется изучение сельского общества имперского приграничья в динамике его взаимодействия с представителями имперского центра в ходе реформирующих инициатив в процессе колонизации региона. Эта тема легла в основу проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе Карелия в VII – начале XX века», осуществлённого междисциплинарным коллективом исследователей Петрозаводского государственного университета в 2014–2016 гг. на базе исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии и междисциплинарного научно-образовательного центра трансграничной коммуникации под руководством доцента Института Истории социальных и политических наук ПетрГУ И. А. Черняковой. Материалы и достижения проекта легли в основу данной статьи.

В данной статье рассматриваются события и процессы, происходившие в XVII–XIX вв., важные для понимания специфики взаимодействия представителей государственной власти и местного крестьянства в период активной колонизации региона.

Несмотря на то, что карельское крестьянство и его взаимодействие с государственной властью на протяжении долгого времени изучалось в академических центрах, также как местными краеведами и финскими историками, в том числе и с учетом достижений современной методологии⁸, сю-

Ocherki istoricheskoy geografii. Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny, pod red. A. S. Gerda i G. S. Lebedeva, SPb, 2001, S. 5–14.

⁴ Zayarnyuk A. Framing the Ukrainian Peasantry in Habsburg Galicia, 1846–1914. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2013.

⁵ Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands. Ed. By Omer Bartov and Eric D. Weitz. Indiana University Press, 2013.

⁶ Shatterzone of empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands. Ed. By Omer Bartov and Eric D. Weitz. Indiana University Press, 2013. P. 334.

⁷ Там же.

⁸ См.: История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Кораблева Н.А., Макурова В.Г., Савватеева Ю.А., Шумилова М.И. Петрозаводск, 2001; Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: сб. научн. ст./ науч. ред. Шикалов Ю. Г., Кокконен Ю. Joensuu; Петрозаводск, 2011.

жеты, затронутые в данной статье, до сих пор не анализировались в совокупности и в динамике.

Первые эксперименты государственной имперской колонизации и карельское крестьянство

На протяжении веков Карелия, традиционно представлявшая собой Северо-Западное приграничье России, существовала в рамках менявшегося административного подчинения (уезд-провинция-область-наместничество-уезды-губерния) с центром до 1782 г. в Олонце, затем в Петрозаводске⁹.

Большая часть территории современной Карелии входила до 1920 г. в состав Олонецкой губернии. С середины XIX в. в этнографическом отношении население губернии четко делилось на русское и финско-карельское¹⁰. Однако основная масса населения Олонецкой губернии и на конец XVIII и на конец XIX в. была русской по своему составу: в конце XVIII в. (по данным V ревизии (1795 г.)) в Олонецкой губернии удельный вес карелов составил приблизительно 18 %¹¹. В целом территории расселения собственно карелов на Северо-Западе России относились к двум губерниям – Олонецкой и Архангельской.

На протяжении веков российские карелы почти поголовно были государственными крестьянами с общинным владением землей. Хотя с XVIII в. элементы самоуправления общины постепенно ограничивались, радикального слома жизненных устоев традиционного общества в результате этих мер не произошло вплоть до начала XX в.

Религиозная мультикультурность наложила огромный отпечаток на историю региона. Помимо традиционного православия и старообрядчества различных типов, во времена шведского владычества в Приладожской Карелии были образованы лютеранские приходы, сохранявшиеся в течение долгого времени. В XVIII в. на территории Кексгольмского уезда Выборгской губернии располагались 15 лютеранских приходов. На территории Олонецкого наместничества (затем – губернии) в конце XVIII – первой четверти

Istoriya Karelii s drevnejshih vremen do nashih dnei, pod obshch. red. Korableva N.A., Makurova V.G., Savvateeva Yu.A., Shumilova M.I., Petrozavodsk, 2001; Narod, razdelenyj granicej: karely v istorii Rossii i Finlyandii v 1809–2009 gg.: evolyuciya nacional'nogo samosoznaniya, religii i yazyka, sb. nauchn. st., nauch. red. Shikalov Yu. G., Kokkonen Yu., Joensuu, Petrozavodsk, 2011.

⁹ Чернякова И. А. Аннотированный отчет по годовому этапу научно-исследовательской работы N 33.1162.2014/К в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности за 2015 год. Петрозаводский гос. университет. URL: https://www.dropbox.com/home/Gos_Zadanie/OUTPUTS_2015?preview=Annotir_Otchet.pdf

¹⁰ Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск, 2010. Гл. 2.

Pashkov A. M., *Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka*, Petrozavodsk, 2010, gl. 2.

¹¹ Кабузан В. М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 231.

Kabuzan V. M., *Narody Rossii v XVIII v. Chislennost' i etnicheskij sostav*, M., 1990, S. 231.

XIX в. необычайного влияния достигло старообрядчество. И несмотря на начатые на него с 1830-х гг. гонения вплоть до конца XIX в. традиционная культура карелов испытывала огромное влияние старообрядчества.

Особую роль в северо-западном регионе играл православный церковный приход. Приходская община являлась одновременно поземельной и самостоятельно возводила храм и заботилась о его благолепии, выбирала и смещала членов церковного причта, распоряжалась церковной казной. Именно вокруг приходской церкви была сосредоточена духовная и хозяйственная жизнь традиционного локального сообщества, составлявшего приходскую общину, и клира, стоявшего во главе её¹².

Из геополитических соображений уже во второй половине XVII в. в ходе военно-административных реформ произошло утверждение власти воеводы во вновь образованном Олонецком уезде, направленное на ограничение традиций местного самоуправления.

Активное вмешательство государства в жизнь традиционного карельского социума произошло гораздо раньше имперского периода и имело специфический характер, свойственный приграничному региону. Одной из важнейших сфер в этом отношении была сфера военной мобилизации и защиты приграничных территорий от агрессии соседних стран в условиях нужд растущего государства.

В 1649 г. в Заонежских и Лопских погостах была проведена военная реформа: с целью укрепления обороноспособности приграничного региона и охраны русско-шведской границы все государственные крестьяне и бо- были были записаны в так называемые пашенные солдаты.

В солдатском статусе местные жители прожили восемнадцать лет, до отмены службы в 1666 г. Они обучались военному делу по западноевропейским образцам офицерами, приглашенными из-за рубежа, но при этом, в отличие от военнослужащих других полков нового строя, не получали за службу жалованья. На протяжении первых нескольких лет их единственным вознаграждением являлось освобождение от тягла¹³.

Несмотря на изначально данное обещание использовать эти полки только для пограничной службы, пашенные солдаты были привлечены к участию в боевых действиях в ходе русско-польской и русско-шведской

¹² Суслова Е. Д. «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 348.

Suslova E. D., «*Volostnoj nobilitet*» *Zaonezhskih pogostov vo vtoroj polovine XVII v.: k voprosu o rodstvennyh svyazyah i social'nom proiskhozhdenii*, Nauchnyj dialog, 2015, № 12 (48), S. 348.

¹³ Брусницына Д. В. Население Олонецкого уезда (1649—1666 гг.): пашенные солдаты и «охудалые крестьяне» // CARELICA: Научный электронный журнал. 2014. № 1 (11). С. 32.

Brusnicyna D. V., *Naselenie Oloneckogo uezda (1649—1666 gg.): pashennyye soldaty i «ohudalye krest'yanе»*, CARELICA, Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2014, № 1 (11), S. 32.

войн (1654–1667 гг., 1656–1658 гг.)¹⁴. При этом правительство стремилось представить введение солдатской службы на русско-шведской границе как инициативу местных крестьян. Аналогичная реформа проводилась в Сумерской и Старопольской волостях Старорусского уезда в рамках единого мероприятия по укреплению обороноспособности северо-западной границы России¹⁵.

Переписка олонецких воевод с центром в годы русско-шведской войны 1656–1658 гг. наполнена их повторяющимися жалобами на непослушание солдат, на их нежелание служить и отказ явиться в Олонец для участия в обороне от «немецких воинских людей», и тем более для отправки воевать за пределы уезда. Те же солдаты, которые всё-таки отправились вместе с воеводой под Корелу, вскоре, по его словам, разбежались, унеся с собой полученные мушкеты. Появление в крае иностранцев, «учительных людей», оказало значимое влияние на жизнь населения¹⁶.

Исследователи доказали, что появление иноземцев-чужаков, даже крещёных в православие, осложняло и без того непростые взаимоотношения клириков и прихожан ввиду предпринятых правительством в Олонецком уезде административной и военной реформ. Чтобы избежать прибора в полки пашенных солдат и не попасть на театр военных действий в ходе войн с Речью Посполитой и Швецией, сыновья священников и церковные причетники, а также некоторые зажиточные крестьяне стремились получить священнический сан¹⁷.

Отдельный сюжет в контексте социальных экспериментов центральной власти в Карелии, важное явление вмешательства в традиционную жизнь региона, представляет собой назначение воевод для укрепления административной власти в приграничном регионе.

Крестьянские челобитные, проанализированные в работах Е. Суловой, свидетельствуют, что отношения с русскими офицерами, появившимися в уезде после 1654 г., были вряд ли более безоблачны. Наоборот, не только воеводы, но и русские военные младшего командного состава – поручики, занимались тяжкими злоупотреблениями, вымогательствами не

¹⁴ Брусницына Д. В. Олонецкие пашенные солдаты: к вопросу о формировании полков в 1649 г. // CARELICA: Научный электронный журнал. № 2/ 2014 (12). С. 48.

Brusnicyna D. V., *Olonецкие пашенные солдаты: к вопросу о формировании полков в 1649 г.*, CARELICA, Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2014, № 2 (12), S. 48.

¹⁵ Там же. С. 51.

Ibid, S. 51.

¹⁶ Сулова Е. Д. Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избь») // CARELICA: Научный электронный журнал. № 2/ 2015 (14). С. 111.

Suslova E. D., *Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избь»)*, CARELICA, Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2015, № 2 (14), С. 111.

¹⁷ Сулова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. Петрозаводск, 2013. С. 54–59, 63, 72–74.

Suslova E. D., *Sluzhiteli cerkvi v Karelii rannego novogo vremeni: skladyvanie dinastij*, Petrozavodsk, 2013, S. 54–59, 63, 72–74.

только у крестьян, но и у священнослужителей¹⁸. Злоупотребления «воевод-лихоимцев» приводило к запустению деревень, особенно опасному из-за близости границы со Швецией¹⁹.

Таким образом, малолюдство, невозможность уберечь уезд от шведов местными силами, ставшее привычным непослушание крестьян, скудные запасы хлеба и оружия²⁰ послужили причиной тому, что первый мобилизационный эксперимент можно считать провалившимся.

В результате ломки традиционной властной иерархии, произошедшей в ходе вышеупомянутых военно-мобилизационных экспериментов, значительно возросла роль священника, главы православного карельского прихода, который служил арбитром в разнообразных бытовых и служебных конфликтах, возникавших между прихожанами, записанными на службу в пашенные солдаты, и «начальными людьми». С одной стороны, представители приходов, в которых сохранялась тесная связь между священником и крестьянами, активно отстаивали свои интересы. С другой стороны, появление иноземных офицеров, иных по конфессиональной принадлежности и менталитету, нередко приводило к расколу внутри общины²¹. Как отмечает Д. Брусницына, само по себе подчинение иноверцам считалось в среде русских крестьян недостойным и унижительным²².

Крестьянская община в Карелии не была безмолвна перед лицом облеченных властью и чувствовавшими себя хозяевами положения чужаков. Крестьяне предпочитали достаточно цивилизованные способы защиты своих интересов в виде челобитных²³.

Однако, когда интересы их откровенно игнорировались, и вмешательство в традиционный уклад жизни было особенно грубым, либо они становились жертвой обмана, крестьяне успешно боролись и отстаивали свои права. Характеризуя взаимоотношения местного населения и иностранцев, исследователи в основном касаются проблемы конфессиональных различий. Они установили, что крестьянская община в целом плохо относилась к иноземцам, которым вынуждена была предоставлять дворы для постоя и от которых терпела многочисленные притеснения²⁴. Чтобы

¹⁸ Сулова Е. Д. Приходской священник и «начальные люди»... С. 109.

Suslova E. D., *Prihodskoj svyashchennik i «nachal'nye lyudi»*..., S. 109.

¹⁹ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох... С. 106.

Chernyakova I. A., *Kareliya na perelome epoch*..., S. 106.

²⁰ Брусницына Д. В. Олонецкие пашенные солдаты в годы русско-шведской войны 1656–1658 гг. // CARELICA: Научный электронный журнал. 2015. № 1(13). С. 57.

Brusnicyna D. V., *Olonieckie pashennye soldaty v gody russko-shvedskoj vojny 1656–1658 gg.*, CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2015, № 1(13), S. 57.

²¹ Сулова Е. Д. Приходской священник и «начальные люди»... С. 109.

Suslova E. D., *Prihodskoj svyashchennik i «nachal'nye lyudi»*..., S. 109.

²² Брусницына Д. В. Олонецкие пашенные солдаты... С. 63.

Brusnicyna D. V., *Olonieckie pashennye soldaty*..., S. 63.

²³ Сулова Е. Д. Приходской священник и «начальные люди»... С. 118.

Suslova E. D., *Prihodskoj svyashchennik i «nachal'nye lyudi»*..., S. 118.

²⁴ Рыжков А. С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе (Карелия, вторая половина XVII века) // Журнал отчетов и публикаций

сгладить противоречия, некоторые офицеры меняли свои имена на русские, принимали православие²⁵.

Взаимоотношения местного населения с чужеродными группами и впоследствии, при отсутствии откровенной агрессии со стороны последних, демонстрируют отсутствие коллективной агрессии по отношению к ним, даже в случаях, когда эти группы демонстративно дистанцировались от населения (к примеру, польские католические священники, проживавшие на поселении в Олонецкой губернии в XIX в.).

Колонизация Карелии и ее экономические последствия: XVIII–XIX вв.

Начиная с XVIII в., на фоне вызовов Нового времени: модернизации, секуляризации системы управления, трансформации центральных и региональных элит, военно-мобилизационные меры приобрели широкомасштабный характер. Это и «Осударева дорога», – беспрецедентная военно-инженерная операция на территории Карелии, стратегический марш-маневр, открывший через взятие Нотебурга путь на Балтику, и учрежденный в конце XVIII века в ходе войны со Швецией Олонецкий егерский батальон, и 20-й егерский (впоследствии 103-й Петрозаводский) полк, сформированный в 1803 г. в Олонце.

Построенные при Петре I Олонецкие горные заводы (Петровский, Повенецкий, Алексеевский, Кончезерский), сыгравшие во время Северной войны 1700–1721 гг. важную роль в обеспечении русской армии и флота пушками, ружьями и другим снаряжением, значительно изменили уклад жизни местного населения. Их учреждение повлекло за собой востребованность населения в новых сферах учреждения труда, приобретение им новых профессиональных навыков, освобождение от рутинной и сезонной зависимости крестьянской жизни²⁶.

Если взглянуть на карту Российской империи первой половины XIX в., то можно убедиться, что, несмотря на свое приграничное положение

ИЛЛИМИК (ISSN 1819-9399). 2006. № 1–2. [Электронный ресурс]. URL: http://illmik.petrso.ru/news/New_results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html.

Ryzhkov A. S., *Oficer-inozemec: problemy adaptacii v mestnom krest'yanskom soobshchestve (Kareliya, vtoraya polovina VII veka)*, Zhurnal otchetov i publikacij ILLMIK (ISSN 1819-9399), 2006, № 1–2, [Elektronnyj resurs], URL: http://illmik.petrso.ru/news/New_results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html

²⁵ Брусницына Д. В. «Начальные люди» олонцевских полков пашенных солдат (1649–1666) // CARELICA: Научный электронный журнал. 2013. № 1(10). С. 170–185.

Brusnicyna D. V., «*Nachal'nye lyudi*» oloneckih polkov pashennyh soldat (1649–1666), CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2013, № 1(10), С. 170–185.

²⁶ Традиционная культура русских Заонежья: справочно-метод. пособие / ред. сост. Г. А. Михайловская. [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-spravочно-metodicheskoe-posobie-dlya-eksku/741.html>

Tradicionnaya kul'tura russkih Zaonezh'ya, spravочно-metod. posobie, red. sost. G. A. Mihajlovskaya, [Elektronnyj resurs], URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-spravочно-metodicheskoe-posobie-dlya-eksku/741.html>

ние, Олонецкая губерния, с юга гранича с Санкт-Петербургской губернией, была недалеко расположена от центра. Тем не менее в 1842 г. эта губерния была отнесена к «отдалённым и малонаселённым краям империи»²⁷.

Более того проблемы управления губернией, описываемые Олонецкой губернской администрацией, разительно напоминали проблемы администрирования отдалённых северных и восточных регионов Российской империи: крайне неблагоприятные климатические условия, малонаселённость, транспортные проблемы. В связи с этим администрация испытывала серьёзные кадровые проблемы. Мало кто из представителей российского чиновничества был готов по собственной воле ехать в этот край²⁸. Вышеуказанные проблемы усугублялись постоянными склоками в рядах высшего управления и чиновничества Олонецкой губернии²⁹. Как писал олонечкий губернатор Лачинов, присутственные места Олонецкой губернии наполнены «безнравственными» чиновниками³⁰. Преследуя свои собственные интересы, местная чиновничья администрация активно создавала представление о Карелии как об экономически отсталом захолустье с суровым климатом.

Однако экономическая отсталость региона имела под собой и реальные основания. С XVII в. ходе государственной колонизации края началось активное вмешательство в экономическую сферу жизнедеятельности сельского общества. С древних времен Карелия была краем, где имело место крестьянское освоение природных богатств, а уже затем государство налагало руку в сфере фиска и управления, узаконивая одновременно методы и территории крестьянской колонизации.

²⁷ Ефимова В. В. Географический парадокс или кто, как и почему формировал в конце XVIII – 1-половине XIX в. образ Олонецкой губернии как отдаленной // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований, 2015. С. 33.

Efimova V. V., *Geograficheskiy paradoks ili kto, kak i pochemu formiroval v konce XVIII – 1-polovine XIX v. obraz Oloneckoj gubernii kak otдалennoj*, Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij, 2015, S. 33.

²⁸ Там же. С. 33.

Ibid, S. 33.

²⁹ Ефимова В. В. «Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в. // Российская история. 2015. № 2. С. 30–38; Её же. «Война с советниками»: о конфликте олонечского губернатора П. А. Лачинова с губернским правлением (1820-е гг.) // Новый исторический вестник. 2015. № 44. С. 10–30.

Efimova V. V., «*Sovsem uz strannyj postupok*»: gubernator i mestnye chinovniki v nachale XIX v., Rossijskaya istoriya, 2015, № 2, S. 30–38; Efimova V. V., «*Vojna s sovetnikami*»: o konflikte oloneckogo gubernatora P. A. Lachinova s gubernskim pravleniem (1820-e gg.), Novyj istoricheskij vestnik, 2015, № 44, S. 10–30.

³⁰ Ефимова В. В. Проект перенесения губернского правления из Петрозаводска в Вытегру // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 5 (142). С. 102–109.

Efimova V. V., *Proekt pereneseniya gubernskogo pravleniya iz Petrozavodska v Vytegru*, Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki», 2014, № 5 (142), S. 102–109.

И. Чернякова показала, что несмотря на суровые климатические условия, обилие водных водоемов, и чрезвычайно невысокое плодородие почв, накопленный с древних времен опыт использования природных ресурсов и зарекомендовавшие себя как абсолютно рациональные в зоне так называемого неуверенного земледелия методы ведения хозяйства (в первую очередь, подсечное земледелие) веками обеспечивали воспроизводство населения и делали возможным его экономическое самообеспечение³¹.

Тем не менее, в донесениях местных чиновников XIX в., заметках местных учителей и священников регулярно встречались упоминания о катастрофической бедности местного населения³².

Государственная экономическая политика была основана на умозрительном представлении заезжих чиновников о катастрофических последствиях подсек. Началось всё с того, что перераспределение в конце XVIII в. лесов на казённые и прочие разрушило древний порядок – свободное обращение с землёй было запрещено правительственными указами. Фиксированный надел, разрабатывавшийся каждым крестьянским локальным сообществом, который был узаконен Генеральным межеванием в самом конце XVIII в., позволялось увеличивать только за счёт составлявших своего рода общинный резерв земельных угодий, по той или иной причине запустевших. Детально система землепользования, установленная государством для крестьян на территории Карелии, показана И. Черняковой на примере Водлозерья³³. Хотя официально разработка подсеки была запрещена государством, подсечное земледелие продолжало существовать³⁴.

Но в целом начиная с последних десятилетий XVIII в. традиция местного крестьянства обеспечивать пропитание семей зерновым хлебом и корнеплодами посредством использования высоко урожайных пашенных

³¹ Чернякова И. А. Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX в. // CARELICA: Научный электронный журнал. 2013. № 1(10). С. 70.

Chernyakova I. A., *Karel'skie volosti i ih obitateli kak ob"ekt dobryh namerenij imperskogo pravitel'stva v XIX v.*, CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2013, № 1(10), С. 70.

³² Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2003. С. 20–82.

Chernyakova I. A., *Panozero i ego obitateli: pyat' vekov karel'skoj istorii*, Panozero: serdce Belomorskoj Karelii, отв. ред. В. П. Орфинский, Petrozavodsk, 2003, S. 20–82.

³³ Чернякова И. А. Водлозерье – поселенческие ландшафты и социальный потенциал в свете историко-географических данных конца XVIII века // CARELICA: Научный электронный журнал. 2013. № 1(10). С. 32–35.

Chernyakova I. A., *Vodlozer'e – poselencheskie landshafty i social'nyj potencial v svete istoriko-geograficheskikh dannyh konca XVIII veka*, CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2013, № 1(10), S. 32–35.

³⁴ Там же. С. 32.

Ibid, S. 32.

участков на подсеках оказалась подорванной, а потом и вовсе сведённой на нет рядом запретительных правительственных указов³⁵.

При ближайшем же рассмотрении, однако, политика в отношении подсечного земледелия была противоречивой. Это было связано в первую очередь с тем, что крестьяне просто игнорировали запрещения, зафиксированные павловскими указами. Впоследствии это право им было всё-таки предоставлено в ограниченных пределах³⁶. В. Ефимова подчёркивает, что в начале 1820-х гг. архангельским, вологодским и олонекским генерал-губернатором А. Ф. Клокачевым в ходе отстаивания крестьянами его региона права иметь положенный по закону надел на муж. душу (15 десятин), было разрешено в его пополнение олонекским крестьянам делать в их дачах расчистки «из лесов неважных, годных однако для строения крестьянского». Право это формально действовало до 1826 г., затем было ограничено разрешением использовать лишь старые заросшие расчистки. Но на это узаконение не обратила внимания Олонецкая казённая палата, поэтому в 1836 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин уже специальным циркуляром вменил ей в обязанность исполнить его. Однако это никогда не останавливало крестьян³⁷.

Современные исследователи опровергли распространённое мнение, что крестьянство в Российской империи особенно в XVIII – первой половине XIX в. было безгласным и в никаком виде не участвовало в процессе принятия законов. В ходе реконструкции истории о том, как в Олонецкой губернии в 1820-х гг. произошла замена натуральной обывательской гоньбы денежным сбором, причём именно крестьяне своими жалобами и стойким нарушением предписаний законодательства заставили сначала губернскую администрацию во главе с генерал-губернатором, а затем и сенатора-ревизора обратить внимание на крайне разорительный для них натуральный способ исполнения этой земской повинности. В результате губернская администрация совместно с сенатором-ревизором разработала проект осо-

³⁵ Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели... С. 77–79.

Chernyakova I. A., *Panozero i ego obitateli...*, S. 77–79.

³⁶ Ефимова В. В. Об отношениях крестьян с органами государственной власти: закон, обычай, практика (на примере Каргопольского и Пудожского уездов в 1820-х годах) // Кенозерские чтения 2015. «Заповедное Кенозерье: природа, культура, человек»: сб. матер. VII Всеросс. науч.–практ. конф. Архангельск, 2016. С. 72–82.

Efimova V. V., *Ob otnošeniyah krest'yan s organami gosudarstvennoj vlasti: zakon, obyčaj, praktika (na primere Kargopol'skogo i Pudozhskogo uezdov v 1820-h godah)*, Kenozer'skie chteniya 2015, «Zapovednoe Kenozer'e: priroda, kul'tura, chelovek», sb. mater. VII Vseross. nauch.–prakt. konf., Arhangel'sk, 2016, S. 72–82.

³⁷ Ефимова В. В. Роль архангельского генерал-губернатора А. Ф. Клокачева в решении вопроса малоземелья олонекских казенных крестьян в начале 1820-х гг. // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Матер. XIV Всерос. науч.–практ. конф. Москва, 18–19 декабря 2014. М., 2015. С. 74–79.

Efimova V. V., *Rol' arhangel'skogo general-gubernatora A. F. Klokacheva v reshenii voprosa malozemel'ya oloneckih kazennyh krest'yan v nachale 1820-h gg.*, Sel'skaya Rossiya: proshloe i nastoyashchee, Materialy XIV Vserossijskoj nauch.–prakt. konf., Moskva, 18–19 dekabrya 2014, M., 2015, S. 74–79

бых правил осуществления этой повинности в губернии, а правительство было вынуждено их узаконить³⁸. Однако произошло это не вдруг, а путем длительного и настойчивого давления снизу «крестьянских миров».

Тем не менее, государство неустанно претворяло в жизнь новые инициативы чиновников, плачевно отразившиеся на повседневной жизни карелов. Они заключались в чрезвычайно высокой стоимости лицензий на смолокурение и добычу дров для продажи, ограничениях в выдаче паспортов для ведения торговли в Финляндии. Налицо была и очевидная незаинтересованность государства в решении важнейших для местного населения проблем: доставка корреспонденции, безволокитное судопроизводство, адекватная оплата труда на обязательных поставках болотной руды на местные железодельные заводы³⁹. Специфическим было и вмешательство чиновников в традиционный местный промысел – солеварение. Целью этого вмешательства была не рационализация процесса добычи соли, а извлечение максимальной прибыли без учета местной специфики этого промысла⁴⁰.

Особо следует выделить практику запретов строительства дорог в регионе, которые могли бы сделать вклад в процветание транзитной и местной торговли, особенно ведущих за рубеж⁴¹.

В результате, некогда процветавшая и локально в силу специфики ландшафтов высокообитаемая территория превратилась в регион, который в советской историографии было принято приводить в пример как образец полного бездорожья и «край непуганых птиц», пригодный разве что для ссылки политически неблагонадежных лиц.

Культурно-религиозная жизнь населения и государственная политика: вытеснение старообрядчества

Вмешательство государства в уклад традиционного общества в Карелии особенно ярко проявилось в культурно-религиозном плане, и в первую очередь заключалось в постепенном вытеснении старообрядчества. Масштабы распространения старообрядчества в Олонецкой губернии были внуши-

³⁸ *Ефимова В. В.* Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830) // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. Т. 11. № 4. С. 50–59.

Efimova V. V., General-gubernator S. I. Minickij i staroobryadcy Oloneckoj gubernii (1825–1830), Gumanitarnyj vector, Seriya «Istoriya, politologiya», T. 11, № 4, S. 50–59.

³⁹ *Чернякова И. А.* Карельские волости... С. 72.

Chernyakova I. A., Karelskie volosti..., S. 72.

⁴⁰ *Кликачева А. А.* Вильгельм Тизенгаузен и его описание Олонецкой губернии конца XVIII века как источник по экономической истории Карелии // Рябининские чтения–2015: Матер. VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 7–11 сентября 2015). Петрозаводск, 2015. С. 56–58.

Klikacheva A. A., Vil'gel'm Tizengauzen i ego opisanie Oloneckoj gubernii konca XVIII veka kak istochnik po ekonomicheskoi istorii Karelii, Ryabininskie chteniya–2015, Materialy VII konferencii po izucheniyu i aktualizacii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa (Petrozavodsk, 7–11 sentyabrya 2015), Petrozavodsk, 2015, S. 56–58.

⁴¹ Там же. С. 57.

Ibid, S. 57.

тельны. По некоторым подсчётам только за 10 лет – с 1815 по 1825 г. – число старообрядцев здесь увеличилось на треть и составило 8764 человек, а это означало, что каждый 20-й житель губернии, а в Повенецком уезде – каждый пятый был старообрядцем. При этом по данным за 1836 г. карелы составляли 26,2 % жителей губернии, а в Повенецком уезде – около 65%.

Старообрядческие общины, особенно активные в собственно карельских поселениях, не только оказывали влияние и задавали тон местному населению по целому ряду вопросов: морально-нравственным, социальным, но и оказывали мощное влияние на развитие экономики края. Местное старообрядчество было глубоко полиэтничным. Оно отличалось смешанным составом и состояло из представителей как русского, так и финно-угорского этносов. Близость Санкт-Петербурга и кредитная практика старообрядческих общин долгие годы обеспечивали устойчивость старообрядческого бизнеса в Кеми. Долгие годы скиты обеспечивали местных крестьян заработком, кредитовали коммерческие сделки, минимизировали транзакционные издержки единоверцев, помогали хлебом в голодные годы.

Старообрядчество оказало сильнейшее влияние и на образование в Олонецкой губернии. Обучающие грамоте крестьянских детей «староверческие» «мастера» и «мастерицы» стали основоположниками народной школы. Таким образом, распространение грамотности напрямую зависело от распространения старообрядчества на обозначенной территории, и от настроений населения⁴².

Другим важным аспектом влияния на местное население старообрядчества считается повсеместно распространённая чистоплотность, неоднократно отмечавшаяся современниками⁴³. Некоторые из них приписывали эту особенность традиции воспитания женщин «в поморских скитах», а также переносили на всех карельских крестьян ещё одну значимую особенность, которая практически всегда являлась характеристикой именно старообрядческого карельского населения, – трезвость – указывая, что «олончане – народ трезвый, самый непьющий»⁴⁴.

Начиная же с XVIII в. начинается массивное наступление на старообрядчество, сопровождавшееся разрушением традиционного экономи-

⁴² Кузнецова Н. Ю. Образование в Олонецкой губернии: взгляд С. А. Приклонского (по материалам книги «Народная жизнь на Севере») // Педагогический Вестник Карелии. Петрозаводск, 2016. №1(45). С. 74.

Kuznecova N. Yu., *Образование в Олонецкой губернии: взгляд С. А. Приклонского (по материалам книги «Народная жизнь на Севере»)*, Pedagogicheskij Vestnik Karelii, Petrozavodsk, 2016, №1(45), S. 74.

⁴³ Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели... С. 75.

Chernyakova I. A., *Panozero i ego obitateli...*, S. 75.

⁴⁴ Кузнецова Н. Ю. Старообрядчество в творчестве правых народников С. А. Приклонского и А. С. Пругавина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2016. С. 19.

Kuznecova N. Yu., *Staroobryadchestvo v tvorchestve pravyyh narodnikov S. A. Priklonskogo i A. S. Prugavina*, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Petrozavodsk, 2016, S. 19.

ческого и социального уклада жизни карельского традиционного общества. Правительство Николая I в 40-е гг. XIX в. уничтожило крупнейший центр поморского старообрядчества. Произшедшая в конце XIX в. ликвидация старообрядческих скитов, располагавшихся по реке Выгу, рядом с озерами Топозеро и Сегозеро, болезненно отразилась на экономической жизни населения ближайших к ним территорий и экономике региона в целом, поскольку «вся область от Белого моря до Онежского озера кормилась Выгорецкими общежителствами»⁴⁵. В период существования Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернаторства были предприняты «комплексные» меры против старообрядчества, самой известной из которых стало введение самостоятельной Олонецкой епархии в 1828 г., и начало «выведение» карельского языка из употребления⁴⁶.

Карелия как вариант имперского приграничья: «стратегическая колонизация» и крестьянство региона: следствия и выводы исследования

Как и в других северных имперских регионах, тип взаимоотношений центральных и местных органов в Карелии в имперский период можно назвать «деконцентрированным». Под «деконцентрацией» понимается широкое делегирование полномочий существовавшим с древности формам местного самоуправления, а её необходимость на всех уровнях была следствием недостатка бюрократических средств государства на окраинах, отдаленности от центра, несовершенных средств коммуникации⁴⁷. Центральная власть была вынуждена делать ставку на местные общества и традиционные институты самоуправления, используя их в качестве низового звена власти.

С одной стороны, в Олонецкой Карелии территориальная основа органов крестьянского самоуправления – сельская поземельная община, или православный приход, не соответствовала задачам интеграции и унификации имперского пространства регионов. Ей был присущ локализм – важнейшее качество крестьянского социума, для которого были характерны связи и властные отношения личного типа, усиливавшиеся за счёт родственных отношений.

Исследователи колонизации других северных регионов отмечают, что в ходе её процессов государство не только усиливало административ-

⁴⁵ Ружинская И. Н. Старообрядческие локусы на территории Олонецкой губернии во второй половине XIX века // Народ, разделенный границей... С. 44.

Ruzhinskaya I. N., *Staroobryadcheskie lokusy na territorii Oloneckoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka*, Narod, razdelennyj granicej..., С. 44.

⁴⁶ Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830) // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. Т. 11. № 4. С. 50–59.

Efimova V. V., *General-gubernator S. I. Minickij i staroobryadcy Oloneckoj gubernii (1825–1830)*, Gumanitarnyj vector, Seriya «Istoriya, politologiya», Т. 11, № 4, С. 50–59.

⁴⁷ Суворова Н. Г. Крестьянское самоуправление в колонизируемом пространстве Сибири // Вестник Томского государственного Университета. История. 2013. № 5 (25). С. 52.

Suvorova N. G., *Krest'yanskoe samoupravlenie v koloniziruемом prostranstve Sibiri*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta, Istoriya, 2013, № 5(25), S. 52.

но-полицейский и финансовый гнёт, но и рационализировало систему хозяйствования, повышая уровень образования, модернизировало систему управления, а традиционное крестьянское общество со своими институтами играло роль «скрепки» имперского пространства, наполняясь при этом новым содержанием, стирая в этом проекте черты традиционности⁴⁸.

Карелия в различных её исторических административно-правовых формах являет собой нетипичный пример имперской периферии. В результате геополитических соображений имперского центра, по мнению исследователей, произошла диффузия внутренней и внешней политики⁴⁹. На протяжении всего периода истории Карелии соображения международной политики доминировали над соображениями экономики. Геополитика определила всю специфику истории края, а также в значительной мере и судьбу его коренного населения.

На протяжении веков основной целью имперского центра в отношении Карелии была защита границы и обеспечение, а также усиление лояльности населения. Именно поэтому представленные в данной статье сюжеты могут быть интегрированы в рамках общей концепции «стратегической колонизации».

Представляется необходимым не согласиться с исследовательской позицией, утверждающей, что начиная с XIII в. растущее противостояние между двумя противоборствующими силами в Северной Европе – Швецией и Россией – превратив Карелию в плацдарм военных действий, лишило её уникального мультикультурного характера⁵⁰.

Карельское крестьянство однородных и смешанных этнических категорий очень долго сохраняло свою уникальную этническую идентичность. В многочисленных исследованиях этнографов и историков подчёркивается, что карельская культура никогда не теряла своих самобытных корней⁵¹. Специфической чертой была и стабильность, несмотря на приграничное расположение и полиэтничность региона: он не стал оплотом нелегальной активности.

В то же время, на протяжении всей истории Карелии войны России со Швецией, как и российская государственная политика, оказывали огромное влияние на миграционные процессы в регионе и его этнический и социальный облик. Конечной целью имперской колонизации ради защиты границы была гомогенизация приграничного имперского этнополитического пространства. Несмотря на то, что в Российской империи в качестве приоритетного иденти-

⁴⁸ Суворова Н. Г. Указ. соч. С. 54.

Suvorova N. G., *Op. cit.*, S. 54.

⁴⁹ Бутвило А. И. Карелия в имперской политике советского государства: к постановке проблемы // Народ, разделенный границей... С. 247.

Butvilo A. I., *Kareliya v imperskoj politike sovetskogo gosudarstva: k postanovke problema*, Narod, razdelenyj granicej..., С. 247.

⁵⁰ Antonsich M. Cardinal Markers of Finland's Identity Politics and National Identity // Eurasian Geography and Economics, 2005, 46: № 4. P. 297.

⁵¹ Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев. М., 2003.

Pribaltijsko-finskie narody Rossii, Otv. red. E.I. Klement'ev, M., 2003.

фикатора выдвигался сословный критерий, а не этническая идентичность, веками постепенно происходило замещение карелов русскими.

Постепенно расширяясь, имперское пространство трансформировало крестьянское общество, разрывая локализм и замкнутость, заменяя горизонтальные связи на вертикальные. При этом, как было продемонстрировано в данной статье, хотя государство и использовало насильственные методы политической и социальной интеграции, оно постоянно приспосабливалось, чутко реагируя на реакцию крестьянского мира, сопровождая их символическими, ментальными практиками, зачастую генерировавшими новые элиты, и позволявшими привыкать и власти, и самому обществу к новым отношениям.

При этом карельское крестьянство не было пассивно-замкнутым. Помимо многочисленных примеров активного сопротивления государственному вмешательству в местную жизнь, и саботажа его инициатив, ему было присуще и прогрессивное, модернизирующее начало.

В различные периоды времени карельские крестьяне были готовы вести достойный диалог с властью, активно с ней взаимодействовали, принимая или отвергая те или иные её инициативы. В XVII в. они делали это в виде многочисленных челобитных, в XIX в. для продвижения проектов улучшения фискальных, административных практик и взаимодействия между локальной крестьянской общиной и региональной властью представители сельских общин предлагали свои проекты местной администрации. Проблемы непродуманности принимаемого законодательства крестьяне решали систематическим неисполнением того или иного закона. Именно крестьянство, избегая уплаты повинностей и налогов, вынуждало менять существующее законодательство.

Кроме того, размывание общинных устоев, веками складывавшихся практик проходило и опосредованно, без прямого вмешательства государства, но на фоне связанных с его колонизационной политикой перемен. И. Чернякова отмечает, что к середине XIX в. произошли заметные изменения в сфере брачного поведения не только мужской, но и в не меньшей степени женской части населения даже отдалённых карельских погостов, а также значительное снижение в них доли мужчин молодого возраста, связанное, скорее всего, с чрезвычайно активной вовлечённостью местного крестьянства в промыслы, торговлю и заработки на стороне⁵².

Важнейший фактор, оказавший влияние на менталитет крестьянства региона – отсутствие в регионе крепостного права, он породил называемый «оттенок северности», определённый дух свободы и независимости, отсутствовавший в центральных районах страны. Влияние же старообрядческих общин многократно усиливало эту черту общественного характера. В отличие от старообрядчества Сибири, находившегося в состоянии практически полного отшельничества и лишённого культурных и экономических связей с коренным населением региона, старообрядцы в Карелии бы-

⁵² См.: Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели... С. 53.
Chernyakova I. A., *Panozero i ego obitateli*..., S. 53.

ли неотъемлемой частью местной экономической, культурной и социальной жизни, формируя нередко элиты локальных сообществ.

На фоне веками складывавшейся, изменчивой, приспособивавшейся к реакции местного населения государственной тактики, события и потрясения XX в., которые полностью перевернули уклад местной жизни, кажутся стремительными и эпохальными.

Таким образом, характерная черта традиционного крестьянского общества в Карелии – уникальная межконфессиональная и межэтническая терпимость. Некоторые исследователи сельского общества приграничных имперских евразийских территорий утверждают, что именно массовая бедность изолировала основную массу населения от современных политических идеологий⁵³.

Один из самых важных вопросов, стоящих перед исследователями – причины общей толерантности крестьянства в Карелии и присущей ему внутренней стабильности. Представляется, что ответ на этот вопрос частично лежит в плоскости экологической истории, в частности, влияния психоэмоциональных особенностей населения, связанных с климатическими особенностями региона, на конструирование коллективной идентичности меняющихся социальных групп в её динамике.

Список литературы

1. Брусницына Д. В. «Начальные люди» олонекских полков пашенных солдат (1649–1666) // CARELICA: Научный электронный журнал. 2013. № 1(10).
2. Брусницына Д. В. Олонекские пашенные солдаты: к вопросу о формировании полков в 1649 г // CARELICA: Научный электронный журнал. 2014. № 2(12).
3. Витухновская М. А. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 113–148.
4. Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Клокачев и старообрядцы Олонецкой губернии // *Православие в Карелии. Материалы IV научной конф.* 25–26 ноября 2015 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 102–110.
5. Ефимова В. В. Географический парадокс или кто, как и почему формировал в конце XVIII – первой половине XIX в. образ Олонецкой губернии как отдаленной // *Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»)*. Материалы V международной конференции по исторической географии. 2015.

⁵³ Ibid. P. 216.

6. *Ефимова В. В.* Об отношениях крестьян с органами государственной власти: закон, обычай, практика (на примере Каргопольского и Пудожского уездов в 1820-х годах) // Кенозерские чтения 2015. «Заповедное Кенозерье: природа, культура, человек»: Сб. матер. VII Всеросс. науч.-пакт. конф. Архангельск, 2016. С. 72–82.
7. *Ефимова В. В.* Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830) // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. Т. 11. № 4. С. 50–59.
8. *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. Москва: Наука, 1990.
9. *Кликачева А. А.* Вильгельм Тизенгаузен и его описание Олонецкой губернии конца XVIII века как источник по экономической истории Карелии // Рябининские чтения–2015: Матер. VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 7–11 сентября 2015). Петрозаводск, 2015. С. 56–58.
10. *Кузнецова Н. Ю.* Старообрядчество в творчестве правых народников С. А. Приклонского и А. С. Пругавина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2016.
11. *Пашков А. М.* Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010.
12. *Покровская И. П.* Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы Истории Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1974.
13. *Суслова Е. Д.* «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении // Научный диалог. 2015. № 12(48).
14. *Суслова Е. Д.* Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы») // CARELICA: Научный электронный журнал. № 2. 2015 (14).
15. *Чернякова И. А.* Аннотированный отчет по годовому этапу научно-исследовательской работы №33.1162.2014/К в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности за 2015 год. Петрозаводский гос. университет [Электронный ресурс]. URL: https://www.dropbox.com/home/Gos_Zadanie/OUTPUTS_2015?preview=Anpotir_Otchet.pdf
16. *Чернякова И. А.* Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке // CARELICA: Научный электронный журнал. 2013. № 1(10). С. 70–81.
17. *Чернякова И. А.* Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Juminkeko-saatio, Петрозавод. гос. ун-т [редкол.: А. П. Конкка, М. Ниеминен, В. П. Орфинский (отв. ред.), И. Е. Гришина (отв. секретарь)]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 20–82.

18. Antonsich M. Cardinal Markers of Finland's Identity Politics and National Identity // Eurasian Geography and Economics, 2005, 46: № 4.
19. Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale University Press, 1985.
20. Zayarnyuk A. Framing the Ukrainian Peasantry in Habsburg Galicia, 1846–1914. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2013.

THE NORTHERN BORDER OF A MULTI-ETHNIC EMPIRE AND THE IMPERIAL COLONIZATION: KARELIA IN THE XVII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

O. E. Ermolaeva

Petrozavodsk State University,
Institute of History, Social and Political Sciences,
Chair of Russian History, *Petrozavodsk, Russia*

The article is devoted to the analysis of several themes from Karelian history, which have been explored in the course of the collective research project titled «Traditional Society as a Factor of Stability in a Multiethnic Borderland: The Case of Karelia, XVIIth –beginning of the XXth centuries». It focuses on the patterns of interaction between the rural society (mainly, the peasantry) of the Northern borderland region of the Russian empire and the Tsarist agents and bureaucrats, and how the state interference influenced life in the region.

Keywords: Imperial borderland, Karelia, Northern peasantry, state interference, colonization, local bureaucrats, peasant land use, Old Believers.

Об авторе:

ЕРМОЛАЕВА Оксана Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, (Россия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33), e-mail: ksana27@yahoo.com

About author:

ERMOLAEVA Oxana Evgenyevna – Ph.D. in History, Associate professor, Chair of Russian History, Institute of History, Social and Political Sciences, Petrozavodsk State University, (Russia, Petrozavodsk, Lenin str., 33), e-mail: ksana27@yahoo.com

References

- Brusnicyna D. V., «*Nachal'nye lyudi*» oloneckih polkov pashennyh soldat (1649–1666), CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2013, № 1 (10).
- Brusnicyna D. V., *Oloneckie pashennye soldaty: k voprosu o formirovanii polkov v 1649 g.*, CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2014, № 2(12).

- Vituhnovskaya M. A., *Karely na granice konkuriruyushchih nacional'nyh projektov: socio-ekonomicheskie razlichiya rossijskoj i finlyandskoj Karelij kak faktor nacional'noj politiki*, Ab Imperio, 2003, № 1, S. 113–148.
- Efimova V. V., *General-gubernator S. I. Klokachev i staroobryadcy Oloneckoj gubernii*, Pravoslavie v Karelii. Materialy IV nauchnoj konf. 25–26 noyabrya 2015 g., Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2016. S. 102–110.
- Efimova V. V., *Geograficheskij paradoks ili kto, kak i pochemu formiroval v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. obraz Oloneckoj gubernii kak otdalenoj*, Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremenost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva»), Materialy V mezhdunarodnoj konferencii po istoricheskoy geografii, 2015.
- Efimova V. V., *Ob otnosheniyah krest'yan s organami gosudarstvennoj vlasti: zakon, obyčaj, praktika (na primere Kargopol'skogo i Pudozhskogo uezdov v 1820-h godah)*, Kenozerskie chteniya 2015. «Zapovednoe Kenoz'er'e: priroda, kul'tura, chelovek», Sb. mater. VII Vseross. nauch.-prakt. konf., Arhangel'sk, 2016. S. 72–82.
- Efimova V. V., *General-gubernator S. I. Minickij i staroobryadcy Oloneckoj gubernii (1825–1830)*, Gumanitarnyj vector, Seriya Istoriya, politologiya, T. 11, № 4, C. 50–59.
- Kabuzan V. M., *Narody Rossii v XVIII v. Chislennost' i etnicheskij sostav*, Moskva, Nauka, 1990.
- Klikacheva A. A., *Vil'gel'm Tizengauzen i ego opisanie Oloneckoj gubernii konca XVIII veka kak istochnik po ekonomicheskoy istorii Karelij*, Ryabininskie chteniya–2015, Materialy VII konferencii po izucheniyu i aktualizacii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa (Petrozavodsk, 7–11 sentyabrya 2015), Petrozavodsk, 2015, S. 56–58.
- Kuznecova N. Yu., *Staroobryadchestvo v tvorchestve pravyyh narodnikov S. A. Priklonskogo i A. S. Prugavina*, avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk, Petrozavodsk, 2016.
- Pashkov A. M., *Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka*, Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2010.
- Pokrovskaya I. P., *Naselenie dorevolucionnoj Karelij po materialam perepisi 1897 g.*, Voprosy Istorii Evropejskogo Severa, Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 1974.
- Suslova E. D., «*Volostnoj nobilitet*» *Zaonezhskih pogostov vo vtoroj polovine XVII v.: k voprosu o rodstvennyh svyazyah i social'nom proiskhozhdenii*, Nauchnyj dialog, 2015, № 12(48).
- Suslova E. D., *Prihodskoj svyashchennik i «nachal'nye lyudi» v Karelii v seredine XVII v.: osobennosti vzaimootnoshenij (po materialam «Oloneckoj voevodskoj izby»)*, CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2015, № 2(14).
- Chernyakova I. A., *Annotirovannyj otchet po godovomu etapu nauchno-issledovatel'skoj raboty No33.1162.2014/K v ramkah projektnej chasti gosudarstvennogo zadaniya v sfere nauchnoj deyatel'nosti za 2015 god*,

Petrozavodskij gos. Universitet, [Elektronnyj resurs], URL: https://www.dropbox.com/home/Gos_Zadanie/OUTPUTS_2015?preview=Annotir_Otchet.pdf

Chernyakova I. A., *Karel'skie volosti i ih obitateli kak ob"ekt dobryh namerenij imperskogo pravitel'stva v XIX veke*, CARELICA: Nauchnyj elektronnyj zhurnal, 2013, № 1(10), S. 70–81.

Chernyakova I. A., *Panozero i ego obitateli: pyat' vekov karel'skoj istorii*, Panozero: serdce Belomorskoj Karelii, Juminkeko-saatio, Petrozavod. gos. un-t, redkol.: A. P. Konkka, M. Nieminen, V. P. Orfinskij (otv. red.), I. E. Grishina (otv. sekretar'), Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2003, S. 20–82.

Статья поступила в редакцию 20.07.2019 г.